

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ЗАПОЛЬСКАЯ Наталья Николаевна

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЧАСТИЙ
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
КОНЦА XVII—XVIII в.**

Специальность 10.02.01 — русский язык

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА — 1986

Диссертация выполнена в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Научный руководитель —

доктор филологических наук, профессор **К. В. Горшкова.**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор **С. П. Лопушанская;**

кандидат филологических наук **В. Г. Сиромаха.**

Диссертация направлена на внешний отзыв в Удмуртский государственный университет имени 50-летия СССР.

Защита диссертации состоится «*11*» *апреля* 1986 г. на заседании специализированного совета К-053.05.37 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова.

Адрес: 119899, ГСП, Москва, В-234, Ленинские горы, МГУ имени М. В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета.

Автореферат разослан «*25*» *февраля* 1986 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета
доцент

А. А. Камынина

В реферируемой диссертации исследуются причастные формы и присущие им синтаксические функции в церковнославянском (цсл.) языке конца ХУП - начала ХУШ в. и в новом русском литературном языке ХУШ в.

Актуальность исследования определяется тем, что оно имеет принципиально важное значение для изучения проблем формирования русского национального литературного языка. В процессе становления норм русского литературного языка нового типа происходило взаимодействие русских и цсл. элементов, в результате чего образовывались контаминированные системы. Такой контаминированной грамматической системой стала система причастий и деепричастий нового русского литературного языка, поскольку ее образование шло как синтез русских и цсл. причастных форм при ведущей роли церковнославянских. Анализ отбора причастных форм и изменения их синтаксических функций позволяет выявить общие принципы контаминации гетерогенных элементов в процессе формирования русского литературного языка нового типа.

Актуальность исследования обуславливается также тем, что современная система причастий и деепричастий восходит к ХУШ в., на протяжении которого складывались нормы, определившие состав и характер употребления причастных форм в русском литературном языке XIX - XX вв.

Цель исследования - показать путь образования контаминированной системы причастий и деепричастий в русском литературном языке и выявить на материале истории причастий некоторые общие принципы взаимодействия русских и цсл. элементов в процессе становления норм русского национального литературного языка.

Конкретные задачи, вытекающие из цели исследования:

1) дать на фоне характеристики русской языковой ситуации конца ХУП - ХУШ в. морфолого-синтаксический анализ причастных форм (а) в цсл. языке конца ХУП - начала ХУШ в., (б) в новом русском литературном языке ХУШ в.;

2) установить связь эволюции системы причастных форм с изменениями в направлении развития русского литературного языка.

Материал исследования обусловлен поставленными задачами: в качестве источников используются тексты, наглядно отразившие основные этапы развития русского литературного языка конца ХУП - ХУШ в. Так, при характеристике причастных форм в цсл. языке конца ХУП -

начала XVIII в. анализируются памятники не только на стандартном¹, но и на гибридном² цсл. языке. Основную группу памятников составляют правленные тексты: содержащиеся в них языковые исправления и пометки типографских справщиков или авторов дают неоценимую возможность реконструировать языковые представления книжников рассматриваемого периода. По характеру и направлению правки тексты разделяются на две группы: тексты на гибридном цсл. языке с "окнижняющей" правкой³; тексты, правленные с гибридного цсл. на "простой русский язык"⁴.

В качестве источников для анализа причастий в новом русском литературном языке XVIII в. выбраны произведения трех основных кодификаторов - В.К.Тредиаковского⁵, М.В.Ломоносова⁶, Н.М.Карамзина⁷. При исследовании переводных сочинений привлекаются оригиналы⁸,

- ¹ Вирши (В) С.Полоцкого, С.Медведева, К.Истомина //Русская силлабическая поэзия ХVII-ХVIII вв.-Л.,1970; Пьесы С.Полоцкого (ПСР) //Русская драматургия последней четверти ХVII и начала ХVIII в.-М.,1972.
- ² Азбука - пропись ХVII в. с Александрией (А-П).-М.,1910; Апофегмата (А).-М.1716; География (Г).-Спб.,1715; Повесть об Александре Российском дворянине (ПАРД); Повесть о Василии Карнотском (ПВК) //Русские повести ХVII-ХVIII вв.-Спб.,1905; Римские деяния (РД): В 2 вып.,-Спб.,1877-1878; Римские деяния (РД-1) //Рукопись ГИМ, ед./хр.1326; Римские деяния (РД-2) //Рукопись ГИМ,ед./хр.1866;"Тетради" старца Авраамия (ТСА) //Исторический архив.-М.-Л.,1951.-Ч.У1; Фанеция (Ф) //Державина О.А. Переводная новелла в русской литературе ХVII в.-М.,1962.
- ³ Алкоран о Магомете (Аом) //Рукопись ЦГАДА,ф.381,оп.1,ед./хр.1034; Собрание историческое о королях далматских (СКИД) //Рукопись ЦГАДА,ф.381,оп.1,ед./хр.1012.
- ⁴ Аполлодора Афинейского грамматика библиотеки или о богах (АБ) //Рукопись ЦГАДА,ф.381,оп.1,ед./хр.1015; Прокопович Ф. История императора Петра Великого (П.ИИПВ) //Рукопись ЦГАДА,ф.9,оп.2,ед./хр.1
- ⁵ Тредиаковский В.К. Езда в остров любви (ЕВОЛ) //Тальман П. Езда в остров любви.-Спб.,1730; Новый и краткий способ к сложению российских стихов (НСС).-Спб.,1735; Итальянские комедии (ИК) //Перетц В. Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе Анны Иоановны в 1733-1735 г. Тексты.-Пг.,1917; Сила любви и ненависти (СЛН).-Спб.,1736; Оды 1734-1742 гг. (О) //Куник А. Сборник материалов для истории Императорской Академии Наук в ХVIII в.-Спб.,1865; Телемахида (Т).-Спб.,1766.
- ⁶ Ломоносов М.В. Оды 1747-1759 гг. (О), Слова похвальные 1749-1755 гг. (С) //Полн.собр.соч.-М.-Л.,1952.-Т.УШ.
- ⁷ Карамзин Н.М. Повести (П) //Сочинения.-М.,1820.-Т.IX; Стихотворения 1787-1801 гг. (С) //Сочинения.-Пг.,1917.-Т.1.
- ⁸ Ballemaet P. Voyages de l'isle d'amour. //Voyages imaginaires, songes, visions et Romans cabalistiques.-Paris,1788.-Т.XXVI; Fénelon. Les aventures de Telemaque fils d'Ulysse. - Paris,1745.

что позволяет более детально изучить своеобразие данного периода в истории русского литературного языка.

Причастия, зафиксированные в памятниках конца XVII – XVIII в., сопоставляются с нормативными причастными формами, кодифицированными цсл. и русскими грамматиками XVI – начала XIX в.

Методы исследования – описательный и сравнительно-сопоставительный.

Научная новизна и теоретическое значение исследования определяются комплексным подходом к изучению причастных форм в русском литературном языке конца XVII – XVIII в., предполагающим объединение проблематики причастий с общими проблемами русской языковой ситуации этого времени. При анализе грамматических категорий в плане истории литературного языка необходим именно такой комплексный подход, поскольку изменения в наборе форм и характере их употребления в литературном языке определяются не только объективными закономерностями изменения грамматического строя, но и взглядами носителей языка на его нормы и на его отношение к разговорной речи. Данный нетрадиционный подход позволил: 1) уточнить характер взаимодействия русских и цсл. элементов в процессе становления норм нового русского литературного языка, а именно, обосновать на материале истории причастий связь русского национального литературного языка с гибридным (а не стандартным) вариантом цсл. языка; 2) показать путь образования контаминированной системы причастий и деепричастий русского литературного языка; 3) дать историю кодификации причастных форм в цсл. и русских грамматиках XVI – начала XIX в.; 4) предложить новое решение вопроса о происхождении и причинах широкого употребления усеченных причастий в русском литературном языке XVIII в.

Диссертация вводит в научный оборот более 15 текстов, не бывших ранее предметом лингвистического исследования, среди которых наиболее значимыми являются правленные тексты.

Практическая ценность исследования состоит в том, что материалы и результаты исследования могут быть использованы при разработке общих курсов и спецкурсов по истории русского литературного языка и при создании работ обобщающего характера, посвященных истории причастий в русском литературном языке.

Апробация работы. Основные результаты исследования получили отражение в двух опубликованных статьях и были изложены в докладе

на Ломоносовских чтениях на филологическом факультете МГУ (1985 г.). Диссертация обсуждена на заседании кафедры русского языка филологического факультета МГУ (1985 г.).

Структура и содержание работ. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений, списков источников и использованной литературы.

Во введении обосновывается актуальность темы и избранный подход к теме, освещается степень ее разработанности, определяются цели, основные задачи, материал и методы исследования.

В первой главе "Русская языковая ситуация конца ХУП - ХУШ в." дана характеристика основных этапов изменения русской языковой ситуации рассматриваемого исторического периода.

В исследованиях по истории русского литературного языка указывается, что в конце ХУП в. в функции литературного языка продолжал употребляться цсл. язык, представленный в двух вариантах. Наряду со стандартным вариантом цсл. языка конфессиональных сочинений и отдельных светских сочинений ученых книжников широко употреблялся русифицированный вариант, на котором создавалась в первую очередь обширная светская литература и который определяется исследователями как "простой" (А.И.Соболевский), "вульгарно-литературный" (Н.Н.Дурново), "вульгарно-народный" (Р.И.Аванесов), "смешанный" (В.В.Виноградов), "упрощенный" (Н.С.Трубешкой, В.М.Живов и Б.А.Успенский) или "гибридный" (Н.И.Толстой, В.М.Живов) цсл. язык.

Если тексты на стандартном цсл. языке отражали ориентацию на грамматику М.Смотрицкого 1648 г. (В.Г.Сиромаха), то тексты на гибридном цсл. были ориентированы не на грамматические нормы, а на набор маркированных цсл. элементов, воспринимавшихся в языковом сознании данной эпохи в качестве специфически книжных признаков, релевантных для дихотомии цсл. и русского языков. Вне ограниченного набора книжных признаков цсл. и русские элементы образовывали сферу нейтральных признаков: они находились в отношении свободного варьирования и не имели стилистической отмеченности. Таким образом, традиция гибридного цсл. языка формировала в языковом сознании носителей принципиально важную оппозицию "нейтральные элементы // книжные элементы". Отсутствие непосредственной ориентации на грамматические руководства вызывало стирание семантических и структурных характеристик книжных форм, свойственных им в стандартном цсл. языке. Это обуславливало системную и окказиональную аграмматичность текстов на

гибридном цсл. , свидетельствующую о том, что литературный престиж книжных форм заменял их грамматическое содержание. С точки зрения языкового сознания данной эпохи, гибридный цсл. являлся допустимым отклонением от стандартного цсл. языка, его упрощенным вариантом.

Привлечение к исследованию текстов на гибридном цсл. языке, содержащих "окнижняющую" типографскую правку, дало возможность реконструировать механизм возникновения текстов на гибридном цсл., уточнить набор книжных и нейтральных элементов и установить соотношение стандартного и гибридного вариантов цсл. языка. В процессе типографской правки снималась аграмматичность книжных элементов, проводилась некоторая нормализация вариативных нейтральных элементов, осуществлялась спорадическая замена нейтральных элементов книжными.

Произведения на гибридном цсл. языке до сих пор изучены очень мало, однако уже имеющиеся материалы - результаты анализа языка "Фадеев" (О.Л.Рямина), басен Эзопа (Р.Б.Тарковский), проповедей Ф.Прокоповича (Л.Л.Кутина, В.М.Живов) - позволяют предложить гипотезу о том, что именно гибридный вариант цсл. языка имел непосредственное отношение к формированию русского национального литературного языка, поскольку новый литературный язык мог отталкиваться прежде всего от специфически книжных цсл. элементов и включать нейтральные цсл. элементы.

Вопрос о связи гибридного цсл. языка с русским литературным языком нового типа актуализируется уже при характеристике языковой ситуации Петровской эпохи. В связи с происходившими в это время культурными преобразованиями установилось отчетливое противопоставление стандартного и гибридного цсл. языка "простому русскому языку" как новому литературному языку на "неславянской" основе. Проведенные в последнее время исследования текстов, правленных с цсл. языка на "простой русский язык", показали, что точка отсчета в понимании нового литературного языка задавалась гибридным вариантом цсл. языка (В.М.Живов). При негативной ориентации "простого русского языка" относительно цсл. создание текстов на "простом русском языке" осмыслялось как отказ только от книжных элементов. Формы, не входившие в набор книжных признаков, допускались и в "простой русский язык" вне зависимости от их генетической характеристики, в силу чего имело место безразличное смешение цсл. и русских элементов. Такой механизм создания текстов на "простом русском языке" засвидетель-

отзован также правленными текстами, исследуемыми в диссертации.

Дальнейшее развитие русского литературного языка нового типа, связанное с установлением его собственных норм, предполагало отбор элементов из русского и цсл. языкового материала. При кодификации в русском литературном языке цсл. элементов исходной языковой традицией также могла стать традиция гибридного цсл., формировавшая у первых русских кодификаторов представления о нейтральных и книжных элементах. Исходя из анализа языковых программ русских реформаторов литературного языка XVIII в. и опираясь на имеющуюся литературу вопроса, мы выделили три периода кодификации нового русского литературного языка.

В первый период кодификация (30 - начало 40 гг. XVIII в.) русский литературный язык был ориентирован на разговорную речь. Поскольку становление литературного языка, ориентированного на "употребление", - процесс типологически универсальный, языковые программы первых русских реформаторов - В.К.Тредиаковского, В.Е.Алодурова, А.Д.Кантемира, М.В.Ломоносова - были соотнесены с западноевропейскими концепциями, а "простой русский язык" был призван обслуживать новые литературные жанры, обусловленные западноевропейским влиянием. Универсальная установка на "хорошее употребление" в русских условиях была органически связана с отказом от славянизмов. Конституирование поэтического языка в рамках "неславянского" литературного языка легализовало использование лишь ряда цсл. элементов в качестве поэтических вольностей. Однако, анализируя литературные сочинения В.К.Тредиаковского этого времени, исследователи отмечали в них широкую вариативность русских и цсл. элементов (А.И.Соболевский, П.Н.Берков, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, А.А.Алексеев, Ю.С.Сорокин). Данное противоречие между языковыми программами и языковой практикой первых русских реформаторов оказывается в значительной степени фиктивным, если исходить из предшествующей языковой традиции и предположить, что создание прозаических сочинений на "простом русском языке" осуществлялось не за счет воспроизведения реальной разговорной речи, требовавшей в свою очередь нормализации, а за счет отказа от специфически книжных цсл. элементов и нормализации нейтральных цсл. и русских элементов. При этом в роли поэтических вольностей выступали отдельные книжные цсл. элементы. Таким образом, функциональная оппозиция "нейтральные элементы // книжные элементы" переосмыслилась в оппозицию "нейтральные элементы // поэтические вольности".

Во второй период кодификации (конец 40 – 60 гг. ХУШ в.) русский литературный язык стал восприниматься как язык письменный по преимуществу, не совпадавший с разговорной речью и ориентированный определенным образом на "славенский" язык. Новые языковые программы М.В.Ломоносова и В.К.Тредиаковского, стремившихся осознать специфику русской языковой ситуации, содержали положения о субстанциональной общности русского и цсл. языков и о возможности стилистического распределения элементов этих языков в рамках единого "славенороссийского" литературного языка. Актуальность стилистической дифференциации языкового материала была мотивирована развитием литературы классицизма. Основное значение приобретало противопоставление высокого и низкого стилей, отражавшее дихотомию цсл. и русского языков, т.е. формировалась функционально-генетическая оппозиция "высокий стиль: славянизмы // низкий стиль: русизмы".

Однако общие теоретические взгляды на природу русского литературного языка неодинаковым образом реализовались в литературно-языковой практике В.К.Тредиаковского и М.В.Ломоносова. Исследователи отмечали, что М.В.Ломоносов в сочинениях высоких жанров употреблял в качестве славянизмов только те цсл. элементы, которые кодифицировал в своей "Российской грамматике" (В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, Г.А.Хабургаев), тогда как В.К.Тредиаковский использовал цсл. элементы неограниченно (А.А.Алексеев). Это позволяет предположить, что общая оппозиция реализовалась в двух частных оппозициях, по-разному соотносенных с исходной оппозицией "нейтральные элементы // книжные элементы": 1) "высокий стиль: славянизмы (отдельные нейтральные элементы) // низкий стиль: русизмы"; 2) "высокий стиль: славянизмы (нейтральные элементы + книжные элементы) // низкий стиль: русизмы".

Третий период кодификации (конец ХУШ – начало ХІХ в.) был связан с языковой программой карамзинистов, главным положением которой вновь стала установка на сближение русского литературного языка с разговорной речью. В этот период требование "писать, как говорят, и говорить, как пишут" вызывало, с одной стороны, отказ от славянизмов, которые были невозможны в разговорной речи, а с другой стороны, исключение из литературного языка ряда русских форм, свойственных просторечию. Характеризуя литературно-языковую практику Н.М.Карамзина, исследователи указывали, что он избегал цсл. элементов, не бывших в живом "употреблении"; и не использовал ряд русских

форм и конструкций (А.И.Соболевский, В.В.Виноградов). Можно предположить, что в этот период кодификации исходная оппозиция "нейтральные элементы // книжные элементы" сменилась консолидацией нейтральных - русских и цсл. - средств выражения, которые и явились основой дальнейшего развития русского литературного языка.

Предложенная в первой главе гипотеза трансформации оппозиции "нейтральные элементы // книжные элементы" в русском литературном языке конца ХУП - ХУШ в., которая позволяла наметить общее направление изменения системы причастных форм, обосновывается в последующих главах на материале истории этой грамматической системы.

Во второй главе "Причастные формы в стандартном и гибридном церковнославянском языке конца ХУП - начала ХУШ в." дан морфолого-синтаксический анализ причастий в разных вариантах цсл. языка. При этом поставлена задача определить состояние причастных форм в цсл. языке конца ХУП - начала ХУШ в., явившееся в известной мере исходным для становления нормативной системы причастий в новом русском литературном языке ХУШ в. Для решения этой задачи проведено исследование цсл. грамматик ХУI - начала ХУШ в. и книжных текстов конца ХУП-начала ХУШ в.

Анализ цсл. грамматических сочинений, в том числе ряда ранее не изучавшихся рукописных грамматик, позволил выделить две причастные системы, различавшиеся по признаку наличие / отсутствие в них русских причастных форм.

Первая причастная система была представлена в рукописных грамматических трактатах, получивших распространение в Московской Руси еще в ХУI - начале ХУП в. Данные грамматики, восходившие к греко-византийским или латинским источникам, наглядно отражали механизм пересчета греческих и латинских структур на славянский материал, приводивший к кодификации наряду с цсл. и искусственными причастными формами русских причастных форм, которые воспринимались как нейтральные элементы. Так, в частности, в "Донатусе" Дм. Герасимова (ХУI в.) в соответствии с лат. *gerundium* были выделены "всечинковые или причастные слова", включавшие русские формы на -учи/-ачи (чтучи, любячи).

Вторая причастная система была кодифицирована в грамматике М.Смотрицкого (1648 г.) и последующих цсл. грамматиках. Нормативная система причастных форм, регламентированная грамматикой М.Смотрицкого, состояла только из цсл. и искусственных форм и включала

три подсистемы: причастия (склоняемые: читая / читающий, читавый / читавший, читаемый, читанный), деепричастия (несклоняемые: читая / читающъ, читавъ / читавшъ, читаемъ, читанъ) и причастодетия (коррелият греч. отглагольных прилагательных и лат. *gerundivum*: читателно). Выделив исконные цсл. краткие формы Им.п. в качестве "деепричастий" и противопоставив их усеченным причастиям, т.е. исконным кратким формам косвенных падежей (В., Р., Д. ед. и В. мн.), М.Смотрицкий не определил специфику их грамматической семантики, распространив морфологическую аналогию причастий и прилагательных на сферу семантических отношений: "Деепричастия... знаменованием от причастий потолуку различествующая, поелику прилагательное усечено от целаго различествовати обыче"¹. Определение грамматической семантики "деепричастий" требовало специального исследования их синтаксических функций, Однако М.Смотрицкий согласно греко-латинской традиции рассматривал причастные формы только в плане синтаксической синтагматики, в сферу которой входили правила их сочетаемости с существительными и глаголами и правила их употребления в конструкциях, являвшихся синтаксическими грецизмами.

В печатных и рукописных цсл. грамматиках начала XVIII в. уже были отражены попытки книжников точнее определить грамматическую семантику причастий и "деепричастий", зафиксировать их синтаксические функции и строго разграничить цсл. и русские причастные формы. Так, в частности, в "славенской" грамматике Ф.Максимова (1723 г.) и в рукописной недатированной "Технологии" неизвестного автора четко дифференцировалась грамматическая семантика причастий и "деепричастий": "... причастия же по сокращению, глаголов вляшше действо изъявляют... и глаголются деепричастия"²; "Деепричастие самое действо показывает. А причастие за имя бывает всегда"³. Поскольку различие грамматической семантики мотивировало различие синтаксического употребления, в грамматике Ф.Максимова специально фиксировались функции причастий и "деепричастий": причастия "возносительных местоимений силу имеют: людѣ сѣдѣши во тѣхъ сѣсть иже сѣдѣтъ", а "деепричастия" "полагаются глом: сѣдѣ на брата твоего клеветать еси" или "со глаголы... вместо надглаголия: видѣ

¹ Грамматика.-М., 1648.-Л.198.

² Максимов Ф. Грамматика славенская вкратце собранная.-Спб., 1723.-Л., 96.

³ Технология //Рукопись ЦГАДА, ф.201, ед./хр.6.-Л.230 об.

видѣхъ"¹. В рукописной датированной "Технологии" (1725 г.) в качестве русских (некнижных) эквивалентов цсл. причастий и "деепричастий" указывались "местоимение возносительное которой с глаголом" и причастные формы на -учи/-ачи, -вши/-ши: "Причастия: Н. которой писать, П. которой давеча писалъ, М. которой давно писывалъ, П. которой оногода написалъ, Буд. которой напишетъ; деепричастия: Н. пишу-чи, П. писавши, М. писывавчи, П. написавши, Буд. напишучи"².

Анализ книжных текстов конца ХУП - начала ХУШ в. показал, что нормативная система причастных форм, регламентированная грамматикой М.Смотрицкого и последующими цсл. грамматиками, реализовалась только в текстах на стандартном цсл. языке. В текстах на гибридном цсл. причастные формы имели ряд существенных формально-функциональных особенностей и употреблялись наряду с русскими причастными формами, что фиксировалось еще рукописными грамматическими сочинениями ХУІ - ХУП вв.

Данному морфолого-синтаксическому анализу предшествует в работе теоретическое описание трех общих типов употребления причастий (полупредикативного, предикативного и непредикативного), проведенное с опорой на исследования, рассматривающие исторический синтаксис причастий (А.А.Потебня, А.А.Шахматов, Д.Н.Овсяннико-Куликовский, Е.С.Истрина, Г.П.Ломтев, П.С.Кузнецов, А.Г.Руднев, В.Л.Георгиева, Э.И.Корогаева), а также с учетом работ, посвященных употреблению причастных форм в современном русском литературном языке (В.В.Виноградов, Г.А.Золотова, А.А.Камынина) и в современных говорах (И.Б.Кузьмина и Е.В.Немченко). Далее в работе последовательно проанализированы полные, усеченные и краткие формы.

Полные действительные и страдательные причастия в формах Им. п. и косвенных падежей употреблялись в рассмотренных текстах на стандартном и гибридном цсл. в функциях обособленного определения, простого определения, подлежащего или дополнения, в роли компонента конструкции "второй винительный". Ср., Им. п.: "Человек, сего дела не хранящий, пять ударений да будет терпящий" (В, 207); "Повѣдъ ми, какъ рыцарь оумершій продалъ тебѣ землю" (РД, 165); "Не знаяй себе, ничесо же знает, аще и звезды небесны считает" (В, 138); косв. п.: "Некий злыхъ обычаевъ человекъ купецкому человеку, хотящему ехати до Норенберху...глаголет" (Ф, 126); "...и взѣлъ горѣшаго

¹ Максимов Ф. Грамматика славенская вкратце собранная.-Л.95,96,128.

² Технология //Рукопись ГИБ, НСРК F.1921.60.-Л.127.

оугла" (РД,270); "И о сем ныне умолчим... дабы продолжением словесе не отяготить прочести и слышати хотящаго" (ТСА,144); "... в ложи лежащаго его обретоша" (В,148). Доминирующей являлась функция обособленного определения (причастный оборот), в которой регулярно реализовались глагольные свойства причастий - модальность и время. При этом в текстах на стандартном цсл. причастие преимущественно находилось в конце причастного оборота (инверсивный порядок слов), а в текстах на гибридном цсл. - непосредственно после определяемого слова. Ср., "Судия, злых не казняй, без ума мечь носит" (В,158); / "Офицеръ нѣкто, имни ... не малое воинство, совѣта просиль у него" (А,72).

Краткие действительные и страдательные причастия в формах косвенных падежей, рассматриваемые в грамматике М.Смотрицкого как усеченные формы, функционально дублировали полные причастия. Ср., "Юношѣ красну, идушу на пирь бесѣдовати, сѣче рече" (А,32); "Свѣтилник горящ в храме уготови" (В,206); "...чесого ради, слыша вопиюща, не устршился" (Ф,132); "... узрѣвъ челоуѣка во многоцѣнныхъ ризахъ идуща, рече" (А,47).

Наличие функционально дублетных форм мотивировало возможность противопоставления их в текстах на гибридном цсл. языке в плане оппозиции "нейтральные элементы // книжные элементы". Анализ текстов на гибридном цсл. с "окнижняющей" правкой и текстов, правленных с цсл. на "простой русский язык", позволил установить, что полные причастия на -ущ-/-аш-, -вш-/-ш-, -м-, -н(я)-/-ен(я)-/-т- были отмечены в языковом сознании как нейтральные морфологические элементы, а противопоставленные им усеченные причастия как книжные элементы. Из состава полных форм специфически книжными являлись только полные причастия на -ѡ-, -в-/-ѡ- (типа идящ, писавый, несый), противопоставленные полным причастиям на -ущ-/-аш-, -вш-/-ш- в форме Им.п. ед.м.

В текстах с "окнижняющей" правкой представлена замена не книжных присустановительных (определятельных) придаточных с местоимениями который (которой), что синтаксически синонимичными нейтральными полными субстантивированными причастиями и причастными оборотами: "Бѣгъ любит сижь которне имѣють дѣши чистне" → "Бѣгъ любит имѣющихъ дѣши чистне" (Аом,116); "Он сотвори корабль которни плаваетъ по морю его произволеніемъ" → "Он сотвори корабль плаващій по морю его произволеніемъ" (Аом,157). В текстах, правленных с гибридного цсл.

на "простой русский язык", полные причастия на -ущ-/-ащ-, -вш-/-ш-, -м-, -н(я)-/-ен(я)-/-т- как нейтральные элементы не подвергались правке. Специфически книжные усеченные формы и полные формы на -ѵ-, -в-/-ѵ- sporadически вводились для "окнижения" текста на гибридном цсл. и не употреблялись в текстах на "простом русском языке".

В качестве синтаксических книжных элементов выступали причастные обороты с инверсивным порядком слов, конструкция "дательный самостоятельный" и конструкции, содержащие причастия наст. вр. от глагола быти. Данные конструкции вводились справщиками для "окнижения" текста на гибридном цсл. и последовательно снимались в процессе правки с цсл. на "простой русский язык". Ср.: "Умре же и король Светомиръ, по немже наслѣдствова Будимиръ" → "Умершу же королю Светомиру наслѣдствова по нем Будимиръ" (СИКД, 4 об.); / "Отшедшим бо Гдремъ в село коломенское недалеце от Москвы отстоящее явилося... писмо прилѣплено" → "Ибо когда отошли Гдри в село коломенское недалеце от Москвы отстоящее явилось ... писмо прилѣплено" (П.ИиПВ,8).

Краткие действительные причастия в форме Им.п. характеризовались в цсл. языке полифункциональностью, чем и определялась высокая частота их употребления. В работе выделены два функциональных типа кратких действительных причастий по характеру доминирующей полупредикативной функции: 1) атрибутивно-предикативные причастия, 2) обстоятельствоно-предикативные причастия.

Атрибутивно-предикативные причастия, сохраняя согласование с формой подлежащего, выступали в текстах на стандартном и гибридном цсл. языке в функциях обособленного определения (доминирующая функция), простого определения и предикатива в составном именном сказуемом. Ср., "Слава... яко дым, в гору идуць, исчезает" (В,152); "Солнце истинну в себе образует равно светяще лице" (В,40); "Елисаветѣ Британска скипетродержащи, Пулхерия таковым умом бе смыслящи" (В,202).

В текстах на гибридном цсл. языке употребление в одинаковых синтаксических позициях кратких причастий и прилагательных приводило к морфологическому переоформлению причастий по образцу прилагательных. Так, причастия в форме Им.п.ед.ж. и Им.п.мн. помимо исконных флексий -и, -е могли получать флексии -а, -и по аналогии с прилагательными: "... алчича она женскаго имяни единственная речь... да какож добродѣтел'на она же тако блѣвша, гльща да нещи ненаученя и глаголют и пишут алчючи ... сив речь превращают

на множественную речь"¹. В текстах на гибридном цсл. причастия с флексиями, аналогичными флексиям прилагательных, закреплялись как формы Им.п. усеченных причастий и тем самым отграничивались от "деепричастий", т.е. от причастий с исконными флексиями. В плане оппозиции "нейтральные элементы // книжные элементы" усеченные причастия в форме Им.п., являясь функциональными дублетами полных причастий, противопоставлялись им как книжные элементы нейтральным.

Обстоятельно-предикативные причастия употреблялись в рассмотренных текстах на стандартном и гибридном цсл. в функциях второстепенного сказуемого, основного сказуемого и обстоятельно-характеризующей. Выступая в доминирующей функции второстепенного сказуемого, краткие причастия цсл. языка функционально коррелировали с причастными образованиями живого русского языка, что явилось причиной выделения их в грамматиках в особый причастный тип - "деепричастие". Данная функциональная соотношенность, с одной стороны, поддерживала цсл. традицию употребления этих форм, а с другой стороны, мотивировала нарушения их согласования формой подлежащего, поскольку в живом русском языке употреблялись неизменяемые причастия.

Проведенный в работе анализ показал, что смешение родовых и числовых показателей причастий в грамматических позициях при существительных в Им.п., относясь к системной аграмматичности, являлось отличительным признаком текстов на гибридном цсл. языке и фиксировалось в рукописных грамматиках XVII в.: "Видех бо многих от простоты мужскую речь женскою пишущих, и женскую речь мужскою... вместо слышавши, пишут слышав... и паки вместо множественная речь гл҃ят единственую речь... вместо видѣвше ... видѣв"². Употребление кратких причастий в качестве неизменяемых единиц вызвало широкую вариативность форм, поскольку каждая из форм Им.п. в равной мере принималась за общую форму всех родов и чисел. Стремясь установить характер соотношения вариативных форм, исследователи выдвигали стилистический критерий их дифференциации (Л.Н.Зевакова, Б.Н.Голубева и др.) и грамматический (J. Veugens). Исследование текстов

¹ Ягич И.В. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. - СПб., 1885-1895. - Т. I. - С. 723.

² Надписание буквам грамматичного учения // Рукопись ГБЛ, ф. 299, ед. /хр. 336. - л. 23 об.

на гибридном цсл. показало, что соотносительность неизменяемых цсл. причастных форм, употреблявшихся наряду с русскими формами, не имела характера противопоставленности по грамматическим (НСВ // СВ, одновременность // предшествование) и стилистическим признакам.

Причастные формы на -а, -учи/-ачи, -уши/-аши, -уще/-аще могли быть образованы не только от глаголов НСВ, но и от глаголов СВ: формы НСВ выражали значение одновременности (конкретной, расширенной и постоянной), а формы СВ - значение предшествования. Причастные формы на -в, -вши/-ши, -вше/-ше могли образовываться как от глаголов СВ, так и НСВ: причастия СВ выражали значение предшествования (аористического, перфектного и плюсквамперфектного), а формы НСВ - значение предшествования и одновременности. Вариативность неизменяемых причастных форм наиболее наглядно проявилась в разночтениях списков РД, демонстрирующих свободную взаимозамену указанных форм под пером переписчиков. Ср., "Тогда Платидус... хотѧ (РД-1: хотѧши, 123; РД-2: хотѧчи, 301) самъ псимать онаго прекраснаго еленѧ, гналь..." (РД, 301); "Потомъ же нѣкоторые тати, видѣше (РД-1: видѣчи, 124; РД-2: видѧ, 302) такое его несчастье и придоша..." (РД, 305); "Оуслышавше (РД-1: услышавши, 121; РД-2: оуслышавъ, 315 об.) то староста рекъ" (РД, 279); "Тогдѧ онъ слѣпши услышавъ (РД-1: услышавъ, 121 об.; РД-2: услыша, 316) то отшоль прочъ..." (РД, 280).

Наличие вариантов при установке на выделение книжных признаков приводило к противопоставлению неизменяемых причастий только в плане оппозиции "нейтральные элементы // книжные элементы". Анализ текстов, содержащих "окнижнящую" правку, позволил установить, что в качестве книжных элементов рассматривались формы на -уши/-аши, -уще/-аще, -вше/-ше, а в качестве нейтральных форм на -а, -учи/-ачи, -в, -вши/-ши. В процессе типографской правки справщики снимали аграмматичность книжных форм, стремясь к использованию их только в исконных грамматических позициях: "О которыхъ совершенно вѣруете, не будте тако яко невѣрные которые рекли, глаголющи → глаголюще о своихъ братияхъ" (ЛОМ, 41 об.). Решая задачу нормализации вариативных нейтральных форм, справщики дифференцировали их по функционально-генетическому признаку на нейтральные и не книжные: формы на -учи/-ачи и реже на -вши как не книжные элементы заменялись нейтральными формами на -а, -в или книжными формами на

-уши/-аши, -уще/-аще, -вше/-ше. При этом, избирая нейтральные формы, справщики игнорировали согласование с формой подлежащего, избирая же книжные формы, они проводили это согласование: "Бгъ васъ искуси единою вещью знаючи → вѣдая чрезъ охоту звѣрину" (Аом, 71 об.); "Отстали от своихъ мудрецовъ и отринули ихъ, провоозглашаючи → гля сѣ слова" (Аом, 95 об.); // "Обаче они обратилсѣ къ ихъ грѣхамъ глаголючи → глаголюще" (Аом, 99 об.). Руководствуясь престижем книжности, справщики спорадически заменяли нейтральные причастия на -а, -в книжными, также корректно согласованными с синтаксическим субъектом: "...видя → видѣвше братія что ужъ нѣсть надежды, рекли" (Аом, 145 об.). Анализ текстов, правленных с гибридного цсл. на "простой русский язык", показал, что книжные формы, наоборот, получали негативную маркированность и последовательно заменялись нейтральными формами: "Потомже стрелыцы хотяще → желая такое свое свирѣпство нѣчто загладити... похитивше → похитивъ дѣла крѣпости боярскихъ людей всѣ изодрали" (П.ИИПВ, 6).

Краткие страдательные причастия в форме Им.п. разделены в работе на три функциональных типа по характеру доминирующей функции: 1) атрибутивно-предикативные причастия; 2) обстоятельственно-предикативные причастия; 3) предикативные причастия.

Атрибутивно-предикативные причастия выступали в роли обособленного определения (доминирующая функция) и простого определения, являясь по своим функциям усеченными причастиями. В текстах на гибридном цсл. усеченные формы в Им.п. противопоставлялись полным формам как книжные элементы нейтральным.

Обстоятельственно-предикативные причастия, являясь компонентом аналитической формы "деепричастия" страдательного залога, выступали в функции второстепенного сказуемого. Языковое сознание данной эпохи фиксировало в качестве книжных элементов "деепричастия" типа "сн, суши, суше, будучи, будуще, бывше + читаем, читан", а в качестве нейтральных элементов "деепричастия" типа "будучи, бнв, бывши + читаем, читан".

Предикативные причастия традиционно рассматривались книжниками в качестве компонента аналитической личной формы страдательного залога. При этом они функционально соотносились с несклоняемыми причастиями живого русского языка и сами воспринимались как несклоняемые формы. Соответственно, краткие причастия, выступавшие в предикативной функции, и усеченные причастия в форме Им.п., употреб-

явившиеся в роли обособленного и простого определения, различались как несклоняемые и склоняемые формы.

Согласно орфографической норме цсл. языка, краткие причастия прошедшего времени выступали в двух суффиксальных вариантах: -нн-, -н-. В языковом сознании книжников орфографическая вариативность также подчинялась оппозиции "нейтральные элементы // книжные элементы". В силу этого причастия на -нн- противопоставлялись причастиям на -н- как книжные элементы нейтральным и заменялись в процессе правки с цсл. на "простой русский язык": "...за находящую же смуту осеннюю войско российской возвращенно → возвращено" (П.ИиПВ, IЗ).

Таким образом, в результате проведенного исследования цсл. грамматик и книжных текстов конца ХУП - начала ХУШ в. установлено, что в традиции гибридного цсл. языка образовывалась сфера нейтральных - цсл. и русских причастных форм, которая в дальнейшем могла стать основой для нормативной системы причастий и деепричастий в русском литературном языке нового типа.

В третьей главе "Становление контаминированной системы причастий и деепричастий в русском литературном языке ХУШ в." дан морфолого-синтаксический анализ причастных форм в русском литературном языке нового типа. При этом поставлена задача определить принципы отбора и контаминации гетерогенных причастных форм, действовавшие в разные периоды кодификации нового русского литературного языка. Для решения указанной задачи проведено исследование русских грамматик ХУШ - начала XIX в. и литературных сочинений В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова и Н.М.Карамзина, в которых наиболее наглядно отразились три основные периода нормализации нового русского литературного языка. Данное исследование позволило также сопоставить теоретические языковые программы и литературно-языковую практику русских кодификаторов ХУШ в.

Анализ грамматических сочинений В.Е.Алодурова и литературных произведений В.К.Тредиаковского 30 -начала 40 гг. ХУШ в. показал, что в первый период кодификации в сфере причастных форм отчетливо реализовалась функциональная оппозиция "нейтральные элементы // повтические вольности", сменившая оппозицию "нейтральные элементы // книжные элементы". При этом кодификация и употребление причастных форм не противоречили общей теоретической установке на "хорошее употребление" и отказ от славянизмов, поскольку данная установка предполагала удаление из "простого русского языка" прежде всего

специфически книжных цсл. элементов, в частности, специфически книжных причастных форм.

Так, нормативная система причастных форм "простого русского языка", представленная в грамматическом очерке (1731 г.) и в пространной грамматике (1738-1740 гг.) В.Е.Адолурова, состояла только из ранее нейтральных цсл. и русских элементов. Она включала три подсистемы: полные причастия на -ущ-/-ащ-, -вш-/-ш-, -ни-/-ени-/-т-, краткие причастия на -н-/-ен-/-т-, деепричастия действительного залога на -учи-/-ачи, -а, -в, -вши-/-ши и страдательного залога "будучи + краткое причастие на -н-/-ен-/-т-". Выделенные деепричастия действительного залога находились в отношении свободного варьирования, не имея стилистического и грамматического противопоставления: формы на -а, -учи-/-ачи образовывались как от глаголов НСВ, так и от глаголов СВ (вѣря, хваля, вѣрячи, похваля), формы на -в, -вши-/-ши в свою очередь образовывались как от глаголов СВ, так и от глаголов НСВ (сдѣлавъ, похваливъ, похваливши, дѣлавши). Принципиально важно, что формально-функциональное размежевание неизменяемых обстоятельственно-гредикативных и склоняемых атрибутивно-предикативных кратких действительных причастий, а также несклоняемых предикативных и склоняемых атрибутивно-предикативных кратких страдательных причастий, характерное для гибридного цсл. языка, сменилось в новом русском литературном языке отчетливым размежеванием неизменяемых деепричастий и склоняемых усеченных действительных причастий, а также несклоняемых кратких и склоняемых усеченных страдательных причастий. При этом были кодифицированы только нейтральные деепричастия и нейтральные краткие страдательные причастия.

Возможность кодификации генетически цсл. причастных форм в "простом русском языке" определялась тем, что они и в новой языковой ситуации не были отмечены как славянизмы и продолжали восприниматься как нейтральные элементы, не противоречившие в принципе ориентации на употребление.

В литературно-языковой практике этого времени установка на отказ от славянизмов также реализовалась в отказе от специфически книжных причастных форм и синтаксических конструкций и могла не касаться нейтральных цсл. элементов. Такое положение объясняет, почему В.К.Тредиаковский в своих прозаических сочинениях на "простом русском языке" (ЕвОД, ИК, СЛН) широко использовал полные причастия на -ущ-/-ащ-, -вш-/-ш-, -м-, -ни-/-ени-, образованные от гла-

голов различной генетической принадлежности. При этом полные причастия сохраняли свойственную им нейтральную полифункциональность, выступая в роли обособленного и простого определения, подлежащего или дополнения, в составе конструкции "второй винительный". Ср., в ЕвОЛ: "А сердце мое, привыкшее всегда къ любви не знало куды дѣвать... мои страсти" (94); "Между тѣм мы плыли съ музыкою играющей и поющей" (11); "Тамо паки я увидѣлъ гуляющихъ всѣхъ красотъ" (145); "Въ одномъ мгновѣніи ока видишь ея стоящую и тотъ часъ потомъ лежащую" (15). В постпозитивном причастном обороте причастие находилось преимущественно непосредственно после определяемого слова: "При вашихъ ногахъ, Государь, вотъ и Таксиль, прибывшій отъ далекаго Гидаспа" (СЛН, 15). Единственный случай употребления конструкции "дательный самостоятельный" в ЕвОЛ объясняется воздействием французского оригинала: "trouvant une femme assez jolie sur me pas " // "Отходящему отъ нихъ встрѣтилась мнѣ на дорогѣ одна жена весьма пригожа" (129). Исходя из перспективы подлинника, В.К.Тредиаковский рассматривал эту конструкцию как синтаксический галлицизм, а не как синтаксический славянизм. Сопоставительный анализ прозаического текста ЕвОЛ и французского оригинала позволил также выявить специфику восприятия полных причастий в качестве нейтральных элементов в первый период кодификации. Осуществляя перевод, В.К.Тредиаковский пытался решить проблемы семантических и структурно-функциональных соответствий русского и французского литературных языков. Что касается полных причастий, то они соотносились с *participe présent* (на-ant), *participe passé*, *adjectif* (на-ble), иногда непосредственно с ними коррелируя в тексте ЕвОЛ. Исследователи отмечали, что для данного периода в принципе было характерно отношение к причастиям как к калькам западноевропейских причастных форм (Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, А.А.Алексеев). Традиция восприятия полных причастий как нейтральных элементов поддерживалась в новых языковых условиях тем, что они категорически и функционально соотносились с причастными формами западноевропейских литературных языков нового типа, ориентированных на "употребление".

В полном соответствии со своими теоретическими взглядами В.К.Тредиаковский допускал в этот период ряд специфически книжных причастных элементов (усеченные причастия в Им.п. и в косвенных падежах, неизменяемые краткие причастия на -уши/-аши, несклоняемые краткие страдательные причастия на -ни/-енн-, а также причастные

обороты с инверсивным порядком слов) в свои поэтические сочинения, рассматривая их как поэтические вольности. Ср., "... страсть, прешедша чрезъ нѣчто любовно, услаждаетъ мнѣ память часто и способно" (ЕвОЛ, I48); "При Сильвѣ красной все мое сердце тогда горяща желаньями" (ЕвОЛ, I13); "Всѣ суть изгнанны отсюда пороки" (ЕвОЛ, I7): "Ободраетъ въ войнахъ злобу, храбраго сердца не имущихъ" (0,4).

Анализ русских грамматик второй половины XVIII в. и литературных произведений М.В.Ломоносова и В.К.Тредиаковского 50–60 гг. XVIII в. позволил установить, что во второй период кодификации в сфере причастных форм реализовалась оппозиция "высокий стиль: славянизмы // низкий стиль: русизмы". При этом теоретическая задача употребления славянизмов могла решаться либо на материале ранее нейтральных, либо ранее книжных посл. элементов, что проявилось в нормализаторской и литературно-языковой практике М.В.Ломоносова и В.К.Тредиаковского.

Нормативная система причастных форм "славенороссийского" литературного языка, регламентированная "Российской грамматикой" (1755 г.) М.В.Ломоносова, включала в свой состав ранее нейтральные полные причастия на -ущ-/-ащ-, -вш-/-ш-, -м-, -ни-/-ени -/-т-, краткие причастия на -м-, -н-/-ен-/-т-, деепричастия действительного залога "будучи, быв, бывши + причастие на -м-, -н-/-ен-/-т-". Актуальность генетической характеристики мотивировала строгое разграничение формообразующей базы, морфологического оформления и сферы употребления различных групп причастных форм.

Последующие грамматические сочинения при кодификации причастных форм либо строго следовали нормам ломоносовской грамматики ("Российская универсальная грамматика" Н.Г.Курганова 1769 г., "Начальные основания российской грамматики" П.Соколова 1788 г., "Грамматика, руководствующая к познанию славено-российского языка" Аполлоса 1794 г., "Российская грамматика" 1802 г.), либо расходились с ней в отношении усеченных причастий, которые кодифицировались (во всех своих функциях) как факт грамматической системы русского литературного языка ("Российская грамматика" А.А.Барсова 1783–1788 гг., "Краткие правила ко изучению языка российсого" В.Светова 1790 г.).

Согласно нормам своей грамматики М.В.Ломоносов в прозаических и поэтических сочинениях высоких жанров использовал в качестве славянизмов полные причастия на -ущ-/-ащ-, -вш-/-ш-, -м-, -ни-/-ени и деепричастия на -а, -в, образованные от общих и посл. глаголов.

Специфически книжные усеченные причастия, неизменяемые причастия на -ущи/-ащи и краткие страдательные причастия на -нн/-енн-, которые не были регламентированы "Российской грамматикой", допускались М.В.Ломоносовым только в поэтических сочинениях высоких жанров и рассматривались одновременно как славянизмы и поэтические вольности: "Подобно граду он густому летяще воинство стеснил" (0, 653); "... Трясуши сединой вещаег" (0,560); "Она героями рожденна" (0,564). Соответственно, функционально-генетическая оппозиция "высокий стиль: славянизмы // низкий стиль: русизмы" реализовались в прозаических сочинениях М.В.Ломоносова в частной оппозиции "славянизмы (нейтральные элементы) // русизмы", а в поэтических сочинениях в частной оппозиции "славянизмы (нейтральные элементы + книжные элементы) // русизмы".

В.К.Тредиаковский, в отличие от М.В.Ломоносова, использовал в качестве славянизмов как ранее нейтральные, так и специфически книжные формы.

Так, в "Тилемахиде" В.К.Тредиаковский употреблял наряду с полными причастиями на -ущ/-ащ-, -вш/-ш-, -м-, -нн/-енн- усеченные причастия как их функциональные дублиеты: "Всяко Вино есть нѣкій ядь, приводящій въ безумство" (I,145); "Сей порокъ, влекущъ за собой Другихъ неисчетность, Препохваляется" (II,173). Кроме того, В.К.Тредиаковский широко использовал специфически книжные полные причастия на -ѡ-, -в-/-ѡ-: "...онѣ былѣ Аполлоновѣ священникѣ, Жертвуяи и служай въ созданномѣ изъ мрамора храмѣ" (Т,26). В роли второстепенного сказуемого употреблялись наряду с деепричастиями на -а, -в, -вши/-ши специфически книжные неизменяемые формы на -ущи/-ащи: "Какъ исчезаетъ тьма, отъ Денницы багрянными персты Востока врата отверзающи, и проливающи Свѣтлость" (II,219). Из состава деепричастий при этом были исключены формы на -учи/-ащи, поскольку "деепричастия - на -чи" "всяк добраго вкуса почувствует переводу повреждением"^I. Наиболее регулярными оставались формы на -а, -в, -вши/-ши: формы на -а образовывались преимущественно от глаголов НСВ, поскольку употребление форм на -а от глаголов СВ рассматривалось В.К.Тредиаковским как "площадное"; формы на -в, -вши/-ши могли употребляться от глаголов СВ и НСВ. Краткие страда-

^I Разоренова А.В. Неизвестное письмо В.К.Тредиаковского //Из истории русской журналистики. -М.: Изд-во МГУ.,1959. -С.214.

тельные причастия выступали в предикативной функции в двух орфографических вариантах: с суф. -ни-/--ени- и -н-/--ен, при этом причастия с суф. -ни-/--ени воспринимались как славянизмы.

Выразительную сторону синтаксиса "Тилемахида" составляли книжные конструкции с причастиями наст. времени от глагола быти, причастные обороты с инверсивным порядком слов и конструкция "дательный самостоятельный": "Онъ флуктитъ восприметь мовъ въ объятія Душу, Сушу готову уже излетѣтъ изъ меня" (II,41); "...воскликнуть Пастырей гласы, Пастырей при ручияхъ свѣтлоструйныхъ дружно сядящихъ" (I,219); "Ментору такъ разсуждавшу въ плитіе то оъ Тилемахомъ. Се усмотрили они Корабль Феакійскій" (II,207). При этом конструкция "дательный самостоятельный" рассматривалась В.К.Тредиаковским уже как синтаксический славянизм, а не как галлицизм. Данные особенности употребления причастных форм были характерны и для прозаических произведений В.К.Тредиаковского. Соответственно, оппозиция "высокий стиль: славянизмы // низкий стиль: русизмы" реализовалась в частной оппозиции "славянизмы (нейтральные элементы + книжные элементы) // русизмы".

Анализ грамматических сочинений карамзинистов и их последователей, а также литературных сочинений Н.М.Карамзина показал, что в третий период кодификации в сфере причастных форм консолидировались нейтральные псл. и русские элементы.

В конце XVIII - начале XIX в. полные причастия на -ущ-/--ащ-, -вш-/--ш-, -м-, -ни-/--ени-, как и деепричастия на -а, -в, перестали быть монополией высокого слога литературного языка. Являясь нейтральными элементами они допускались карамзинистами в новый "русский" литературный язык, ориентированный на "употребление". Так, в частности, В.С.Подшивалов в "Сокращенном курсе российского слога" (1796 г.) специально подчеркивал, что "в российском языке не малую красотою почитается, когда вместо двух глаголов или трех соединенных союзом и, или местоимением возносительным который, поставляется деепричастие или причастие"¹.

В прозаических и поэтических сочинениях Н.М.Карамзина широко использовались полные причастия на -ущ-/--ащ-, -вш-/--ш-, -м-, -ни-/--ени-/--т-, которые употреблялись в функциях обособленного и просто-

¹ Подшивалов В.С. Сокращенный курс российского слога. -М., 1796. -С.27.

го определения, подлежащего или дополнения. Ср., "история/ Сообщается только для одних чувствительных душ, имеющих сию сладкую вѣру" (П, 158); "Он наслаждается послѣдними лучами заходящаго свѣтила" (П, 132); "Никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ окрѣстностей города" (П, 1). При этом причастные обороты с инверсивным порядком слов употреблялись преимущественно в поэтических сочинениях: "Смѣльчакъ, Америку открывшій, Пути ко щастью не открылъ" (С, 104). Из состава деепричастий исключались формы на -учи/-ачи, -вши, возможные теперь только в "просторечии". Регулярно употребляемые деепричастия на -а, -в постепенно получали в сочинениях Н.М. Карамзина противопоставление по видовой характеристике: формы на -а образовывались от глаголов НСВ, а формы на -в от глаголов СВ. Показательна в этом плане авторская правка деепричастий на -а СВ: "Многие Барды, тоны возвися → возвысивъ Страшныя битвы поютъ" (С, 401). Книжные усеченные причастия Н.М. Карамзин использовал на правах поэтических вольностей: "Въ рѣки бѣсныя, кипяща глубины" (С, 27).

Таким образом, в результате исследования установлено, что цсл. причастные формы, воспринимавшиеся в предшествующей языковой традиции как нейтральные элементы, кодифицировались во все периоды нормализации нового русского литературного языка. Образование контаминированной системы причастий и деепричастий предстает как ряд трансформаций исходной оппозиции "нейтральные элементы // книжные элементы", что подтверждает гипотезу о связи нового русского литературного языка с традицией гибридного цсл. языка.

В специальном разделе диссертации рассматривается вопрос об усеченных причастиях в литературном языке XVIII в. По мнению Г.О. Винокура, усеченные причастия, употреблявшиеся в русском литературном языке XVIII в., являлись искусственными образованиями: усеченные страдательные причастия прошедшего времени в отличие от "подлинных именных форм" "обычно удваивают -н- по примеру полных"; усеченные причастия "не имеют своего особого полного склонения и употребляются лишь в тех падежах, где они слогом короче членных форм"; усеченные причастия "по своему значению и роли в предложении совпадают не с нечленными, а с членными формами"; усеченные страдательные причастия "не подчиняются общим законам ударения, действующим в пределах нечленных форм"¹. Однако проведенное нами исследование показало,

¹ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. - С. 129, 346-348.

что усеченные причастия непосредственно восходили к цсл. языковой традиции: 1) согласно орфографическим нормам цсл. языка усеченные и краткие страдательные причастия прошедшего времени имели суф.-ни-; 2) по признаку "неполноты" система склонения усеченных причастий русского литературного языка XVIII в. совпадала с системой склонения усеченных причастий цсл. языка; 3) усеченные причастия в русском литературном языке XVIII в., подобно усеченным причастиям цсл. языка, выступали в функциях обособленного и простого определения, подлежащего или дополнения, в конструкциях "второй винительный", "дательный самостоятельный"; 4) в усеченных страдательных причастиях на -н(н)- и в кратких страдательных причастиях на -ни- реализовался акцентный тип, связанный с нормами цсл. языка (А.А.Зализняк).

В заключении излагаются основные выводы исследования.

1. Формально-функциональные различия причастных форм в текстах конца XVII - начала XVIII в. были обусловлены сосуществованием двух вариантов цсл. языка. В текстах на стандартном цсл. языке, ориентированных на грамматические нормы, реализовалась система причастных форм, кодифицированная грамматикой М.Смотрицкого. В текстах на гибридном цсл. языке, отражавших релевантную для языкового сознания оппозицию "нейтральные элементы // книжные элементы", цсл. причастные формы противопоставлялись в плане этой оппозиции, употреблялись наряду с русскими причастными формами и имели формально-функциональные особенности (формально-функциональное разграничение неизменяемых кратких и склоняемых усеченных действительных причастий, несклоняемых кратких и склоняемых усеченных страдательных причастий).

2. В новом русском литературном языке XVIII в. произошла контаминация гетерогенных причастных форм. Решающее воздействие на выбор цсл. причастных форм и тип их употребления в новом русском литературном языке оказала традиция гибридного цсл. языка.

(а). Нормативными элементами нового русского литературного языка стали только те цсл. причастные формы, которые в предшествующей цсл. языковой традиции воспринимались как нейтральные элементы (полные причастия на -ущ-/-ащ-, -вш-/-ш-, -м-, -ни-/еин-, деепричастия на -а, -в, краткие страдательные причастия на -м-). Специфически книжные цсл. причастные формы (полные причастия на -ѹ-, -в-/ѹ-, усеченные причастия, краткие неизменяемые действительные причастия на -удн-/ащн-, -ущн-/ащн-, -вшн-/шен-, краткие страдательные причастия на -ни-/еин-), а также книжные конструкции, содержащие

причастные формы (конструкция "дательный самостоятельный", конструкции с причастиями наст. времени от глагола быти, причастные обороты с инверсивным порядком слов) либо употреблялись как поэтические вольности, либо спорадически вводились на правах славянизмов в стилистических целях. Изменения принципов контаминации цсл. и русских причастных форм были непосредственно связаны с изменениями в направлении развития нового русского литературного языка, что отразилось в грамматических сочинениях ХУШ - начала XIX в., а также в теоретических программах и литературно-языковой практике В.К.Тредиаковского, М.В.Ломоносова, Н.М.Карамзина.

(б). Процесс формально-функционального разграничения кратких и усеченных причастий, имевший место в гибридном цсл. языке, привел в новом русском литературном языке к отчетливому размежеванию неизменяемых деепричастий и склоняемых усеченных действительных причастий, а также несклоняемых кратких и склоняемых усеченных страдательных причастий.

(в). В гибридном цсл. языке не сложилась система неизменяемых деепричастий, однако эта языковая традиция предоставила выбор неизменяемых причастных форм в плане грамматической оппозиции (НСВ // СВ, одновременность // предшествование) и в плане функциональной оппозиции ("нейтральные элементы // книжные элементы"). В новом русском литературном языке ХУШ в. постепенно складывалась система неизменяемых деепричастий, состоящая из нейтральных форм на -а, -в/ши (при наличии второстепенных компонентов системы - форм на -учи, -вши); противопоставленных по признакам НСВ // СВ, одновременность // предшествование.

3. История образования контаминированной системы причастий и деепричастий свидетельствует о том, что в сфере нейтральных цсл. форм имела место непосредственная преемственность нового русского литературного языка от гибридного (а не стандартного) цсл. языка.

В приложениях помещены примечания (§ I) и материалы правки правленных текстов (§ 2).

По теме диссертации опубликованы статьи:

1. Особенности функционирования причастий в русском языке ХУШ века (На материале произведений В.К.Тредиаковского) / МГУ.-М., 1984. -46 с. -Библиогр.: с.45-46. -Деп. в ИНИОН АН СССР 05.02.85, № 19510.
2. "Усеченные" причастия в русском литературном языке ХУШ в. // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология. -1985. -№ 3. -С.34-45.

Подписано в печать 18.02.86 г. Формат бумаги 60x84/16
Объем 1,5 п.л. Учетно-издат. листов 1,26